

Куранты. — 1993. — 31 Дек. — с. 9.

— Светлана, актриса по природе своей — существо эгоистичное, а у вас двое детей. Не мешает это противоречие?

— Ничуть. У нас в семье было трое детей, я младшая. Мама любила сына, как всегда. Сейчас-то я понимаю, что человеком она была очень добрым, все делала ради нас, просто была недостаточно ласкова снаружи. Бабушка хлила старшую внучку, ну и я оказалась как бы лишняя. Считалось, что я — папина любимца. Но мужчина — это мужчина, а если он вдобавок, как папа, работает в органах госбезопасности, да еще в сталинское время... В детстве у меня возникло ощущение трагического одиночества, казалось, что это не мои родители, что я подкинута. Так у многих детей бывает! Я изливала чувства в дневнике, много читала. Говорят, родители делятся на несколько типов. Так вот я из тех, кто пытается дать детям все, что недополучил в детстве сам.

И еще я фаталистка, верю в судьбу. Я же второго, Сапу, родила в сорок лет. Когда ждала его, профессора предупреждали, что нужно быть готовой ко всему. И я положила на Бога. И вот он, слава Богу, есть, мое солнышко. А старший и вовсе солнце — ярко-рыжий. Он у меня самый большой друг.

— В "Большой перемене" вы сыграли несчастливую влюбленную. А у самой в жизни несчастливая любовь была?

— А как же! И я бросала, и меня бросали. Я влюблялась много раз — и каждый раз всерьез, насмерть. (Смеется.) И замечательно, что это было, я этим счастлива. Помните в "Войне и мире" хрестоматийный разговор Безухова и Болконского у дуба о том, что в жизни есть два действительных несчастия — угрызения совести и болезнь, а счастье есть отсутствие этих двух зол? Могу сказать твердо: все, кроме смерти и болезни, — счастье. Даже несчастная любовь, разлука, даже отсутствие денег — все это проявления жизни, и тем замечательны.

У меня есть любимая поэтесса Мария Петровых, она очень хорошо сказала: "Смысл жизни — в развитии души". Одеться можно за неделю, правда? А если денег много, даже за один день: просто пойти в магазин, сразу все купить и надеть на себя. Но заполнить себя изнутри нельзя быстро. Это постепенный и очень длинный процесс. Я всегда говорю: человек стоит ровно столько, сколько он стоит, если у него отнять все, то есть одежду, деньги, положение... И я иногда не решаю каких-то дурных поступков не потому, что я такая хорошая, а, если хотите, из меркантильных соображений: хочу сохранить себя. Знаете, при пожаре каждый старается вынести из дома самое ценное. У нас в стране сейчас, будем считать, пожар. И я хочу вынести из него невредимыми свою душу и души своих близких.

— Но, согласитесь, женщине хочется быть красивой не только душевно. И вам самой удается оставаться очаровательной женщиной. Признаться, в этом помогают умелый макияж, хороший портной?

— Я не пользуюсь косметикой, за исключением тех случаев, когда нужно выйти на сцену. И то только потому, что иначе вместо моего лица зрители увидят просто круглое пятно. И к моде отношусь спокойно, одежду предпочитаю универсальную — сшила и ходишь, пока не износится. Мне жалко тратить время на портных. Ни в коем случае не провожу никаких параллелей, но мне смешно представить Марину Ивановну Цветаеву или Анну

Андреевну Ахматову просиживающими по полдня у портних. Ни в коей мере не ставлю себя на одну доску с ними, но просто надо стараться подражать подобным людям, должен же быть идеал.

И еще, любую женщину красит доброта. А я вынуждена быть доброй, потому что должна учить добру своих детей. Они меня любят, и оттого, наверное, что-то во мне еще живет и дышит. Убеждена: то, что мы пропустим в душе у детей, не восстановишь ничем. Поэтому Бог с ними, с другими делами, — мы лучше почитаем или погуляем. Мой младший в Петербурге всего два месяца, до этого из-за обрванных связей на семью болезней пришлось его отдать бабушке. Но он уже из любого далека может определить Дом книги, знает, что напротив — Казанский собор, который построил архитектор Воронихин, и знает, что Спас на крови построен на месте убийства Александра II.

И еще я фаталистка, верю в судьбу. Я же второго, Сапу, родила в сорок лет. Когда ждала его, профессора предупреждали, что нужно быть готовой ко всему. И я положила на Бога. И вот он, слава Богу, есть, мое солнышко. А старший и вовсе солнце — ярко-рыжий. Он у меня самый большой друг.

— В "Большой перемене" вы сыграли несчастливую влюбленную. А у самой в жизни несчастливая любовь была?

— А как же! И я бросала, и меня бросали. Я влюблялась много раз — и каждый раз всерьез, насмерть. (Смеется.) И замечательно, что это было, я этим счастлива. Помните в "Войне и мире" хрестоматийный разговор Безухова и Болконского у дуба о том, что в жизни есть два действительных несчастия — угрызения совести и болезнь, а счастье есть отсутствие этих двух зол? Могу сказать твердо: все, кроме смерти и болезни, — счастье. Даже несчастная любовь, разлука, даже отсутствие денег — все это проявления жизни, и тем замечательны.

У меня есть любимая поэтесса Мария Петровых, она очень хорошо сказала: "Смысл жизни — в развитии души". Одеться можно за неделю, правда? А если денег много, даже за один день: просто пойти в магазин, сразу все купить и надеть на себя. Но заполнить себя изнутри нельзя быстро. Это постепенный и очень длинный процесс. Я всегда говорю: человек стоит ровно столько, сколько он стоит, если у него отнять все, то есть одежду, деньги, положение... И я иногда не решаю каких-то дурных поступков не потому, что я такая хорошая, а, если хотите, из меркантильных соображений: хочу сохранить себя. Знаете, при пожаре каждый старается вынести из дома самое ценное. У нас в стране сейчас, будем считать, пожар. И я хочу вынести из него невредимыми свою душу и души своих близких.

— Но, согласитесь, женщине хочется быть красивой не только душевно. И вам самой удается оставаться очаровательной женщиной. Признаться, в этом помогают умелый макияж, хороший портной?

— Я не пользуюсь косметикой, за исключением тех случаев, когда нужно выйти на сцену. И то только потому, что иначе вместо моего лица зрители увидят просто круглое пятно. И к моде отношусь спокойно, одежду предпочитаю универсальную — сшила и ходишь, пока не износится. Мне жалко тратить время на портных. Ни в коем случае не провожу никаких параллелей, но мне смешно представить Марину Ивановну Цветаеву или Анну

Андреевну Ахматову просиживающими по полдня у портних. Ни в коей мере не ставлю себя на одну доску с ними, но просто надо стараться подражать подобным людям, должен же быть идеал.

— Только о беспорядке не пишите! — шуточно предупредила Светлана КРЮЧКОВА, когда приглашала в гости. Беспорядок в квартире в старом петербургском доме на Фонтанке очаровывала теплом, уютном и милым обжитым хаосом. Царили здесь дети. Старшего, Митю, я не застала — был в школе. Зато трехлетний Саша, как и мама, с рыже-золотистыми волосами, с молочной кожей и ясными глазами, тут же прибежал показать игрушки. И оказалось, что актриса Крючкова — это на экране. А дома есть

способен. Ну а не умеет — и Господь с ним, жалко тратить время на споры, понимаете? Конечно, конфликты в доме бывают. С Митей, например, из-за того, что он ленится, не делает домашние задания, что на него учителя жалуются. Но вот вчера ругались долго из-за алгебры, и вдруг он мне: "Ну мама, ну потерпи еще немного — у меня такой возраст!" С маленьким — свои конфликты, потому что ему нужно научиться мыслить, анализировать. Я с ним сейчас целыми днями разговариваю, к вечеру полумертвая бываю — человек, когда говорит, отдает энергию. Конечно, тут нужно огромное терпение. Но никогда не следует ругать детей за дурные привычки: это мы виноваты, что они такие.

— Неужели не срывае-тесь никогда?

— Почему же? И срываюсь, и плачу, и кричу, а потом му-чаюсь. Но стараюсь это де-лать минимально.

книжный развал, потому что я одну беру, другую читаю, Митя учит сегодня одно, а завтра другое. Саша-маленький растет — и мы уже отложили всякие там "Кот — сме-танный рот", взялись за "Волшебника Изумрудного города", "Винни-Пуха". У папы же свои занятия, у него целая комната со станками, инструментами, он это любит. И все это у нас соседствует. А за идеальный быт я не бо-рюсь, чисто — и ладно. Раз-бросано что-то, так это и хо-рошо, значит, жизнь идет. Всегда говорю: не надо делать из квартиры музей, вот умру, тогда пожалуйста. А сейчас мне нужно, чтобы все было под рукой, чтобы все успеть... — Готовите сами?

— Я умею готовить и даже пеку пироги — дети очень любят, когда я это делаю. Но занимаюсь этим, когда есть время. Выручает то, что последние три года у меня есть помощница, теперь уже, можно сказать, подруга — Людочка. Она помогает мне

дину". И вот Сашке-маленькому очень идет грим — он совершенно другим стано-вится. Что ж, "давить" на де-тей я никогда не буду.

— А сами стать актрисой с детства мечтали?

— Не то чтобы с детства. Просто было ощущение, что рождена для какой-то иной жизни, нежели та, которой жила в Кипине. Но в школе я пела в оркестре, организо-вывала всякие вечера, даже была капитаном команды КВН. Собирались поступать в университет на филологи-ческий, следом уже видела-сь аспирантура... Но после де-сятого класса поехала в Мос-кву и кто-то посоветовал: по-пробуй в театральном! И по-шла в Щепкинское учили-ще и... добралась до третьего тура. После этого решила: раз столько народу отсеялось, а я по-пала в число немногих, зна-чит, что-то во мне есть! На следующий год в Щукинском училище дотянула до чет-вертого тура, ну а еще через

МАМА СВЕТА И ЕЕ СЫНОВЬЯ

— там все миллионеры! В ответ слышу: "Я такого не хо-чу!" Следовательно, хочется не просто богатого, а еще и красивого, знаменитого, доб-рого, умного, честного. А та-ких нет — добрый, умный и честный сейчас небогатый. И я к мужчинам нормальным и порядочным отношусь не то чтобы с жалостью, а с пони-манием. Ну не могут же все живущие на Земле люди быть бизнесменами, нет у кого-то деловой жилки, что же его — третируют за это? Значит, в человеке другие какие-то ка-чества есть.

— Теоретически это прекрасно, а на практи-ке... Неужели в вашей се-мье никогда не возникают конфликты на бытовой почве? Ну хоть из-за мы-тых посуды?

— Из-за мытых посуды — нет. Я, может быть, не права, но считаю, что убрать иг-рушки или вымыть посуду — не самая большая добродетель мужчины. Конечно, хо-рошо, если он кроме ума, ко-торый обязан иметь, сердца, души прекрасной еще и на это

— А как умудряетесь управлять с хозяйст-вом?

— Я не управляюсь. Не ве-рю, когда говорят: она успе-вает то-то и то-то, так не бы-вает! Я плохо сплю, поэтому ночами читаю. Обожаю чи-тать! И вот обнаружила у за-мечательного нашего фило-софа Василия Васильевича Розанова определение насто-ящей семьи. Он считает, что живая или так называемая животная семья определяется очень просто. Когда вы вхо-дите в дом, в котором беспорядок и у каждого есть свой угол со своим миром — и все это физически соседствует друг с другом, это и есть на-стоящая, истинная, живая се-мья. Когда я захожу в квар-тиру, в которой ковер, хрусталь, видик, стенки, мне становит-ся плохо. А мой старший сын, когда был поменьше, попал в одну такую квартиру и ска-зал: "Скучно у вас, одни шка-фы и кровати, на сарай похо-же".

В доме все должно быть жи-во и интересно. Нельзя по-ставить книжку, чтобы она стояла вечно. У нас всегда

по хозяйству и стала в нашем доме родным человеком.

— Как насчет семейных праздников?

— Очень любим вместе встречать Новый год, отме-чать дни рождения. Зажигаем свечи, готовим подарки, не важно, дорогие они или нет. Но, к сожалению, обстоя-тельства не всегда позволяют собираться всем вместе. А гости к нам могут прийти в любой момент. Если есть чем — накормим, нет — хоть чаем напоим. Сами-то в гости вы-бираемся редко: я без детей никуда не хожу, а с ними не во всякий дом отправиться, не-которые же не любят, когда ребята шалят. Да и странно сейчас из дома выбираться. Вот мы живем рядом с Боль-шим драматическим театром, и тут же "толкучка", заполо-нившая Апраксин двор. Зад-нюю часть театра превратили в туалет, сидят там, деньги считают. И ведь никого из "отцов города" это не волну-ет, вот что страшно.

Я вообще боюсь жизни. Тут в польском журнале прочла статью о сне, проиллюстри-рованную позами, в которых спят люди. И оказалось, что излюбленная мной и старшим сыном поза — лицом вниз, одну ногу поджав и обняв по-душку — свойственна людям, убегающим от жизни. Для актрисы, кстати, так спать очень неудобно, лицо отекает.

— Своих детей хотите видеть актерами?

— Ни в коем случае! Про-фессия во многом формирует человека. Это как в "Алисе в стране чудес" поется: "Если поросенком все с пеленок на-зывают, баюшки баю, даже самый смиренный ребенок превратится в будущем в сви-ню". И профессия актера вносит в мужской характер очень много женского. Ска-жем, чем актер лучше, тем больше у него распатаны нервы, а какая семья станет это терпеть? Да и деньги при нашей профессии нынче за-рабатывать сложно, приходится, имея семейный "паровозик" за спиной, подрабатывать той же рекламой, а не всякий ува-жающий себя человек на это пойдет.

Я бы хотела, чтобы мои де-ти стали творческими людь-ми, но не актерами. Митя, например, заявляет: буду ре-жиссером! И то ладно. Но вот в маленьком с большим сожа-лением замечаю тягу к актер-ству. Он обожает корчить ро-жи перед зеркалом, раскра-пываться моим гримом. А у него лицо смывое, как у меня: белые ресницы, брови. Ни-кита Михалков про такие хо-рошо говорил: "Люблю лица, как у моли: хочешь — кра-сиву рисуешь, хочешь — уро-

год поступила в Школу-сту-дию МХАТ.

Вон видите фотографию на стене? Это моя первая роль во МХАТе — Александрина Гончарова в спектакле "Пос-ледние дни". В Художествен-ном театре я два года прора-ботала, а сыграть успела только ее, хотя репетировала много. Так случилось, что по-ехала в Ленинград пробо-ваться на фильм "Старший сын", познакомилась с опе-ратором Юрием Векслером и уехала к нему, вышла замуж. А уже потом меня вызвал к себе Георгий Александрович Товстоногов и пригласил в Большой драматический те-атр...

— Как вам удается в на-ше сложное время оста-ваться оптимисткой?

— Знаете, когда в августе девяносто первого случился путч, я оказалась на съемках во Внукове, рядом с тем са-мым самолетом, на котором потом гэкаэписты улетели. Помню, ехали оттуда обратно в Москву мимо БТРов, мимо всего этого ужаса. Лева Дуров открыл окно и стал кричать солдатам: "Ребята, идите до-мой!" А я ему: "Лева, ты хо-чешь им что-то сказать? Так выйди из машины! У меня двое маленьких детей, и, если меня убьют, кто о них поза-ботится?"

Конечно, это не героиче-ский эпизод в моей биографии. Но не зря говорят: чтобы по-нять, нужно потерять. А по-скольку я много чего пережила и успела постоять на краю жизни и смерти... Знаете, у Бунина есть рассказ об ангеле смерти, который является че-ловеку, чтобы принять его ду-шу. Но человек остается в жи-вых, и ангел, уходя, дарит ему вторую пару глаз — чтобы видел то, что не даю увидеть простым смертным. Похоже, чтобы по-настоящему понять и оценить жизнь, надо по-бывать "там". Я в подобной ситуации уже оказывалась, и поэтому особенно стараюсь по возможности тепло отно-ситься к близким. Сказано же в Библии, что легко любить ближнего вообще, а попро-буй-ка возлюбить своего со-седа! По мне, минимум, ко-торый мы должны сделать, — это отдать близким максимум любви. И если каждый сумеет сделать добрым, светлым и радостным хотя бы тот "ост-ровок", на котором сущест-вует, то и жизнь у нас в стране будет очень хорошая.

Беседу ве-ла Татьяна ИСКАНЦЕВА. Санкт-Петербург — Москва. Фото Юрия Р. ЗАНОВА.